

http://www.newruslit.ru/for_classics/dostoevsky/s.a.kibalnik.-rasskaz-gazdanova-chernye-lebedi-kak-metatekst/view

8. Коломин Д. Женские образы в рассказах Газданова [Электронный ресурс] / Дмитрий Коломин. – Режим доступа : <http://www.hrono.ru/text/2008/kolo0308.html>

9. Костюков Л. Качество, форма, содержание : о рассказе Газданова «Письма Иванова» [Электронный ресурс] / Л. В. Костюков. – Режим доступа: <http://www.rp-net.ru/book/articles/materialy/gazdanov/kostyukov.php>

10. Красавченко Т. Экзистенциальный и утопический векторы художественного сознания Г. Газданова [Электронный ресурс] / Т. Н. Красавченко. – Режим доступа : http://www.newruslit.ru/literaturexx/gazdanov/art_090315

11. Кузнецова Е. Исследование поэтики рассказов Г. Газданова 1950-1960 гг. / Е. В. Кузнецова // Гуманитарные исследования. – 2010. – № 2 (34). – С. 71–75.

12. Матанцева Л. Поэтика ранней прозы Г. Газданова (роман «Вечер у Клэр», рассказы 20–30-х годов) : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Л. В. Матанцева. – Самара, 2005. – 21 с.

13. Матвеева Ю. Экзистенциальное начало в творчестве Гайто Газданова / Юлия Матвеева // Дарьял. – 2001. – №2. – С. 147–179.

14. Орлова О. Предисловие к «Рассказу об Ольге» Газданова [Электронный ресурс] / Ольга Орлова. – Режим доступа : <http://ruszhizn.ruspole.info/node/255>

15. Проскурина Е. Единство иносказания: в нарративной поэтике романов Гайто Газданова / Е. Н. Проскурина; [отв. ред. Е.К. Ромодановская ; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т филологии]. – М.: Новый хронограф, 2009. – 387 с.

16. Проскурина Е. След «Черной капли» в поэтике женских персонажей Г. Газданова [Электронный ресурс] / Елена Проскурина. – Режим доступа : http://www.newruslit.ru/literaturexx/gazdanov/gazd_081204_2

17. Сапрыкин Д. Рассказ «Панихида» и религиозные корни писательства [Электронный ресурс] / Дмитрий Сапрыкин. – Режим доступа : <http://www.hrono.ru/statii/2001/sapry002.html>

18. Семенова С. Путешествие по «беспощадному существованию» (Гайто Газданов) / Семенова С. Г. // Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. – М., 2001. – С. 529–545.

19. Федякин С. Материалы к творческой биографии Гайто Газданова [Электронный ресурс] / Сергей Федякин. – Режим доступа : <http://www.hrono.ru/statii/2001/gazdan18.html>

20. Шабурова М. Тема смерти в ранних рассказах Газданова [Электронный ресурс] / М. Н. Шабурова. – Режим доступа : <http://www.rp-net.ru/book/articles/materialy/gazdanov/shaburova.php>

21. Яблоков Е. Ночь после Клэр. Система персонажей рассказа Гайто Газданова «Водяная тюрьма» / Е. А. Яблоков. – Режим доступа : http://www.darial-online.ru/2003_3/yablokov.shtml

УДК 821.161.1-1

А.Г. Козлова

БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ ИСХОДА В ЛИРИКЕ

БОРИСА ЧИЧИБАБИНА И АЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦКОГО

А.Г. КОЗЛОВА. БИБЛІЙНИЙ МОТИВ ІСХОДУ У ЛІРИЦІ БОРИСА ЧИЧИБАБІНА ТА ОЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦЬКОГО.

У статті аналізуються особливості репрезентації біблійного мотиву ісходу у творчості Бориса Чичибабіна та Олександра Городницького. Зазначається, що обидва поети активно звертаються до мотиву ісходу, який пов'язується в першу чергу з темою еміграції, «переміщенням» євреїв до Ізраїлю. Але якщо позиція ліричного героя Чичибабіна є послідовною та незмінною, позиція ліричного героя Городницького еволюціонує від ідеї необхідності розставання з вітчизною заради спасіння дітей до усвідомлення неможливості прийняття емігрантської долі та зміни батьківщини.

Ключові слова: мотив ісходу, ліричний герой, авторська позиція, образна система.

А.Г. КОЗЛОВА. БИБЛЕЙСКИЙ МОТИВ ИСХОДА В ЛИРИКЕ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА И АЛЕКСАНДРА ГОРОДНИЦКОГО.

В статье анализируются особенности репрезентации библейского мотива исхода в

творчестве Бориса Чичибабина и Александра Городницкого. Отмечается, что оба поэта активно обращаются к мотиву исхода, который связывается, в первую очередь, с темой эмиграции, «перемещения» евреев в Израиль. Но если позиция лирического героя Чичибабина является последовательной и неизменной, то позиция лирического героя Городницкого эволюционирует от идеи необходимости расставания с родиной во имя спасения детей до осознания невозможности принятия эмигрантской судьбы и смены родины.

Ключевые слова: мотив исхода, лирический герой, авторская позиция, образная система.

A.G. KOZLOVA. BIBLICAL MOTIVE OF EXODUS IN BORIS CHICHIBABIN'S AND ALEXANDER GORODNITSKY'S LYRIC POETRY.

Different forms of bible image and motive representation in famous Russian singer poet Alexander Gorodnitsky's and famous poet Boris Chichibabin's works are analyzed. It is discovered that both poets actively use the motive of exodus which is related to the theme of emigration and "relocation" of Jews to Israel. But the position of persona in Gorodnitsky's works is consistent and stable, and the position of persona in Chichibabin's works evolves from the idea of the necessity of leaving native land to the realization of the impossibility of acceptance of immigrant fate and the change of native land. Gorodnitsky goes beyond the theme and addresses the problem of the exodus of Jews not just from the Soviet Union and post-soviet countries but from Europe as well. And the author connects this new exodus with the decline of spirituality in European countries. Although image systems used by two authors are very alike it should be noted that Gorodnitsky unlike Chichibabin uses hebrewisms.

Key words: motive of Exodus, persona, author position, system of images.

Библия, являясь одним из «ядерных» текстов в мировой культуре, часто выступает в роли неисчерпаемого источника разного рода образов и мотивов. Характеристика особенностей их функционирования в пространстве художественного текста, в творчестве того или иного автора представляет для исследователей особый интерес.

Так, Д.А. Ефимова исследует функционирование библейских мотивов и образов в романе У. Голдинга «Повелитель мух», А.В. Касьянов в сюжетостроении русского романа XX века, С.В. Бурдина в поэме А. Ахматовой «Реквием», В.Д. Серафимова в творчестве М. Волошина, А. Платонова, Б. Пильняка, С.Н. Шубина в любовной коллизии романа И.А. Гончарова «Обломов», Д.Ю. Шалков в творчестве В.В. Маяковского 1912–1918 годов, Т.А. Пономарева в «деревенской прозе», Л.А. Кушнерева в школьном курсе русской литературы, И.В. Кудряшов – мотивов и образов песен царя Давида в поэзии Н. Клюева, М. Гуренкова – языческие корни и христианские мотивы в «Слове о полку Игореве». Примеры подобного рода весьма многочисленны.

Среди мотивов, наиболее активно представленных в литературе последних десятилетий, следует назвать библейский мотив исхода, восходящий к ветхозаветной истории иудейского народа, событиям, описанным в Пятикнижии Моисеевом, в первую очередь, в книге Исход, связанным с массовым выходом евреев во главе с Моисеем из Египта. Частотность употребления данного мотива связана, главным образом, с проблемой эмиграции, с

тем, что на рубеже XX–XXI веков (особенно в годы перестройки и лихие 90-е) большое количество людей, в первую очередь, евреев из СССР, а затем и постсоветского пространства, выехало на постоянное место жительства в страны дальнего зарубежья и, в частности, «на историческую родину» – в Израиль. Мотив этот в художественной литературе нашел особые формы представления.

Цель данной статьи – охарактеризовать особенности репрезентирования библейского мотива исхода в творчестве Бориса Чичибабина и Александра Городницкого.

Мотив исхода положен в основу стихотворения Б.А. Чичибабина «Дай вам Бог, с корней до крон...» (1971). Это одно из самых первых и самых мощных по звучанию стихотворений поэта, в которых репрезентирован данный мотив. Вполне очевидно, что речь идет об эмиграции евреев из Советского Союза в Израиль. (Довольно прозрачный намек на то, что речь идет именно об Израиле, содержится в строках: *Вспоминайте наш снежок / посреди чужого жара* [6, с. 185]). С.Н. Бунина пишет: «В разгар застоя Чичибабин принял груз своего изгойства, сплетая это переживание с мыслями об уезжающих и остающихся, ищущих путей в непригодном для любви мире» [2, с. 8]. Не случайно основным художественным приемом в стихотворении становится антитеза: каждая строфа завершается строками, противопоставляющими судьбы людей *уходящих и остающихся*. Без осуждения, с глубоким пониманием принимает поэт решение друзей покинуть Родину: *Уходящему – поклон. / Остающемуся –*

братство; Уходящего – пойму. / Остающегося – знаю [6, с. 185]). И родную землю – *край души, больную Русь* – просит поэт дать *уходящему – любовь, / остающемуся – помощь* [6, с. 185–186]. В то же время позиция лирического героя и самого автора вполне очевидна – он с теми, кто остается: *с уходящим – помирюсь, / с остающимся – останусь* [6, с. 185]. Это принципиальная и вполне последовательная позиция, которая находит свое выражение в произведениях Чичибабина разных лет. Еще в стихотворении «До гроба страсти не избуду...» (1960) поэт заявлял: *До гроба страсти не избуду. / В края чужие не поеду* [6, с. 71]. Поэтому не удивительно, что «Его кровно волнует судьба «остающихся», для которых, в отличие от уезжающих, выбор родины невозможен» [1, с. 6]. Но остаться, с точки зрения поэта, значит испытать свою чашу до конца, взойти на Голгофу: *уходящему – Синай, / остающимся – Голгофа* [6, с. 186]. С.Д. Абрамович поясняет: «Уезжающий не обязан избирать жертвенное страдание вместе с русским народом; он принадлежит уже иному измерению <...> По Библии Синай, на котором Моисей получил Заповеди Божии, – это момент, сигнифицирующий оформление Израиля из группы исшедших из египетской неволи родов и племен евреев-хапири в избранный народ.

Однако Синай сменяет новозаветная Голгофа, которая в стихотворении, как и в христианском учении, означает не одно лишь кровавое страдание, но и великую искупительную жертву» [1, с. 6].

Необходимо отметить, что жертвенность является одной из основных черт лирического героя поэзии Б.А. Чичибабина: *Я всё снесу. Мой грех, моя вина. / Еще на мне и все грехи России* («Уходит в ночь мой траурный трамвай...» (1967) [6, с. 156]). Но поэт полагает, что страдание является и путем к спасению, о чем прямо заявляет в стихотворении «Ночью черниговской с гор араратских...» (1977): *Мук не приявший вовек не спасется* [6, с. 278]. Вероятно, поэтому и завершается стихотворение «Дай вам Бог, с корней до крон...» утверждением: *Уходящему – печаль. / Остающемуся – верность* [6, с. 186].

Образ Голгофы будет использован Чичибабиным и в более позднем стихотворении «Молитва за Мыколу» (1987), развивающем тему исхода, в котором поэт высказывает мысль о сложности эмигрантской судьбы, связанной с потерей Родины (...*нету бездомья теснее и глуше / судьбы эмигрантской*), и утверждает: *а кто где родился, то там он и должен / взойти на Голгофу, т.к. ...родина – это Господнее знамя / и воля Господня* [6, с. 377].

Тема исхода получает развитие в стихотворении «Не веря кровному завету...» (1973):

*Не веря кровному завету,
что так нельзя,
ушли бродить по белу свету
мои друзья.*

*Броня державного кордона –
как решетот.
Им светит Гарвард и Сорбонна,
да нам-то что?*

*Пусть будут счастливы, по мне, хоть
в любой дали... [6, с. 218].*

Позиция лирического героя и самого Чичибабина отличается последовательностью и постоянством:

*Я верен тем, кто остается
под бражный трён
свое угрюмое сиротство
нести по гроб.*

*Кому обещаны допросы
и лагеря,
но сквозь крещенские морозы
горит заря [6, с. 219].*

Он не берётся *гадать, кому придется легче, / кому трудней*, и, провозгласив: *я им, дальним, не завистник / и не судья*, желает уезжающим только добра: *Пошли им, Боже, легкой ноши, / прямых дорог / и добрых снов на злое ложе / пошли им впрок* [6, с. 219].

Принимая выбор других, Б.А. Чичибабин, тем не менее, осознаёт всю сложность эмигрантской судьбы, и резюмирует: *Но и все же не дай нам Господь / уезжать из России* («Благодарствую, други мои...» (1978) [6, с. 296].

В отличие от позиции лирического героя поэзии Б.А. Чичибабина, являющейся принципиальной и постоянной, позиция героя лирики А.М. Городницкого эволюционирует.

Одно из первых его стихотворений, в основу которого положен библейский мотив исхода – «Алия» (1990) (слово *алия* обычно понимается как «репатриация евреев в Израиль»): *Алия моя, алия, / Час решительный настаёт. / Круто вьётся тропа твоя, / Начиная второй исход* [3, с. 223].

Поэт использует в данном тексте ветхозаветный образ соляного столпа:

*Не оглядывайся назад
Над заоблачной пеленой
Вниз, где тускло горит, как ад,
Шереметьевский порт ночной.
Обречён этот чёрный град.
Не дожждётся дружка Ассоль.
Не оглядывайся назад,*

А не то обратишься в соль [3, с. 223].

Использование этого образа позволяет провести параллель между ветхозаветным городом Содомом, уничтоженным Господом за грехи его жителей, и Москвой, Россией, Советским Союзом в целом (не случайно поэт использует слово *вниз*, семантика которого дополняется негативным компонентом, усиливающимся сопоставлением ночного аэропорта Шереметьево с адом). В то же время библейский образ соляного столпа Городничкиным переосмысливается: речь идет не об ослушании – нарушении Божьего повеления, а о решительном шаге, необходимость которого требует преодоления всех сомнений и сожалений, т.к. *Время думать не о себе, / Время – просто спасать детей* [3, с. 223]. Эта мысль находит развитие в следующей строфе: *О покинутом не стенай, – / Будут счастливы все олим, – / Восхождение на Синай – Восхождение на Олимп* [3, с. 223]. (*Олимп* – «приехавший вновь в Израиль, израильский репатриант»).

Здесь появляется характерный и для Чичибабина ветхозаветный образ горы Синай, где Моисей получил от Бога скрижали с заповедями, и мотив паломнического восхождения на нее. Библейский образ используется в качестве аллегории: обретение родины осмысливается как восхождение на Синай, приобщение к вечным истинам и духовным ценностям. Но если у Чичибабина тема исхода с самого начала соединяется с темой верности родной земле и возникает противопоставление Синай – Голгофа, то у Городничкиного в данном стихотворении рассматривается только один возможный путь, и обретение новой родины сопоставляется с символизирующим победу восхождением на Олимп: *Восхождение на Синай – / Восхождение на Олимп* [3, с. 223]. Таким образом, возникает антитеза: «низ» (Содом, ад – Шереметьево, Москва, Россия, Советский Союз) и «верх» (Синай, Олимп, подразумеваемый рай – Израиль).

Позиция лирического героя связана с сомнениями, размышлениями о возможной эмиграции для себя:

*Алия моя, алия...
До рассвета тужу о том,
Неужели смогу и я
Отправляться твоим путем?
Дым пожара со всех сторон,
Ветер воли свистит в ушах,
И коварно мне шепчет он,
Что, мол, труден лишь первый шаг*
[3, с. 224].

В стихотворении «Подполковник Трубятччинский» (1993) также использован мотив исхода, который соединяется с мотивом воз-

ращения / изгнания из рая, что получает конкретное вербальное выражение:

*Подполковник Трубятччинский, моря
соленого житель,
Как попасть вы смогли в этот город
безводный Арад?
Надевайте погонь, цепляйте медали
на китель
И – равнение на флаг – наступает последний парад!..
Возвращение в рай, а скорее – изгнание
из рая,
Где ночные метели и вышки покинутых зон...
Подтянувши ремень, обживает он
остров Израиль –
Наших новых времен, наших новых
морей Робинзон.*
[3, с. 231].

Эмигрантская судьба героя осмысливается здесь Городничкиным как трагедия: человек, вся жизнь которого была связана с морем, – инженер-подполковник, учёный-гидрограф, магнитометрист, участник полярных экспедиций – оказался в расположенном на горном перевале в *Иудейской пустыне* безводном городе Арад. Изменение авторской позиции очевидно: в данном стихотворении снимается однозначное отождествление Израиля с раем, а России с адом: *Возвращение в рай, а скорее – изгнание из рая, / Где ночные метели и вышки покинутых зон...*

К использовавшемуся в стихотворении «Алия» образу Лотовой жены Городничкиный вернется в своеобразно продолжающем тему исхода стихотворении «Беженцы-листья» (1993), в котором уже четко определена позиция самого поэта:

*Поздно бежать уже, и неохота.
Лист одинокий дрожит на стекле.
Словно подруга печального Лота,
Камнем останусь на этой земле*
[3, с. 233].

Та же мысль звучит и в стихотворении «Система Декарта» (1997):

*Сырой и тревожной для леса и поля
Порой облетанья
Менять невозможно
По собственной воле
Среду обитанья*

[3, с. 244].

Написанное десятью годами позже чичибабинской «Молитвы за Мыколу», стихотворение Городничкиного удивительным образом перекликается с ним и идейно-тематически, и ритмо-метрически. Сравним у Чичибабина:

*Молюсь, чтобы он до такого
не дожид,
Забыв свою мову,*

*а кто где родился, то там он
и должен
взойти на Голгофу*
[6, с. 377].

(Городницкий, так же как и Чичибабин, использует чередование четырехстопного и двухстопного амфибрахия). Это совпадение не выглядит случайным, так как, по свидетельству Л.С. Карась-Чичибабиной, поэты встречались (где-то в середине 80-х годов (1984–1985) после выступления Городницкого в Харькове его привел к Чичибабиным домой ныне живущий в Израиле харьковчанин Леон Надель), и Борис Алексеевич читал ему свои стихи, вызвавшие восторженную реакцию слушавшего («Это просто Тютчев какой-то!»). Вполне очевидно, что после этой встречи Городницкий интересовался творчеством харьковского поэта. Вторая их встреча состоялась в июле 1994 года на фестивале авторской песни и поэзии в Ростове-на-Дону.

Следует отметить, что, в отличие от Чичибабина, позиция лирического героя которого определена раз и навсегда, начиная уже с первых произведений этого ряда, Городницкий приходит к формулировке подобной позиции не сразу. Неприятие его лирическим героем эмигрантской судьбы, идея верности родной земле увязываются у поэта с темой возраста, с мыслью о том, что уже поздно менять место жительства, родину: *Поздно бежать уже, и неохота* («Беженцы-листья»); *Сырой и тревожной для леса и поля / Порой облетанья / Менять невозможно по собственной воле / Среду обитанья* («Система Декарта») и т.п. Кроме того, в произведениях подобной тематики А. Городницкий, в отличие от Б. Чичибабина, часто использует ивритизмы (алия, олим, экзодус). Кстати, последнее из упомянутых слов становится названием написанного в 1995 году стихотворения «Экзодус», которое для нашего исследования представляет особый интерес.

Само название стихотворения восходит к Библии и означает «исход». Только речь здесь идет об исходе евреев не из Египта, а из Европы:

*Вдаль плетется скорбная колонна,
Бормоча под нос себе молитвы.
Так когда-то шли из Вавилона,
А потом бежали из Египта.*

*Снова их сгоняет с места некто,
Кто испачкал пальцы в этом тесте...*
[4].

Мотив нового исхода связывается Городницким с оскудением духовного начала в европейских странах, что получает выражение, в первую очередь, в образах храмов без

крестов и Христа, покидающего Европу и возвращающегося в Иудею:

*А в музейных залах слышен ропот, –
Там картины покидают рамы,
И стоят на площадях Европы
Без крестов оставшиеся храмы,
<...>*

*И Христос, покинувший распятие,
В пыльную уходит Иудею* [Там же].

Таким образом, библейский мотив исхода широко представлен и в творчестве Б.А. Чичибабина, и в творчестве А.М. Городницкого. Мотив этот связывается, в первую очередь, с эмиграцией, с перемещением евреев в Израиль. В то же время если позиция лирического героя Б.А. Чичибабина отличается последовательностью и постоянством, то позиция лирического героя А.М. Городницкого эволюционирует от идеи необходимости расставания с родиной во имя спасения детей до осознания невозможности принятия эмигрантской судьбы и смены родины. Причем увязывается ее эволюция с темой возраста, с мыслью о том, что уже поздно что-либо менять, и, в частности, место жительства, родину.

А.М. Городницкий расширяет рамки темы и обращается к проблеме исхода евреев не только из Советского Союза и постсоветских стран, но и из Европы, причем этот новый исход связывается поэтом с оскудением духовного начала в европейских странах.

При всей близости образной системы стихотворений обоих поэтов, связанных с библейским мотивом исхода, следует отметить, что, в отличие от Б. Чичибабина, для А. Городницкого характерно использование ивритизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамович С. Д. Библейская тема исхода в художественном мире Б. Чичибабина (стихотворение «Дай вам Бог, с корней до крон...») / С. Д. Абрамович // Чичибабин и мировая литература : Вестник Крымских чтений Б. А. Чичибабина : Выпуск 1. – Симферополь : Крымский Архив, 2005. – С. 3–6.
2. Бунина С. Н. Борис Чичибабин: обязательство жить / С. Н. Бунина // Чичибабин Б. А. Собрание стихотворений / Сост. Л. С. Карась-Чичибабина. – Харьков: Фолио, 2009. – С. 3–13.
3. Городницкий А.М. Песни разных лет / А. М. Городницкий. – Харьков : Золотые страницы, 2013. – 376 с.
4. Городницкий А. Экзодус [Электронный ресурс] / Александр Городницкий. – Режим доступа : <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=31436>

5. Козлова А. Г. Библейские образы и мотивы в поэзии Александра Городницкого / А. Г. Козлова // Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды. – Харьков, 2013. – № 3–4 (50). – С. 64–68.

6. Чичибабин Б. А. Собрание стихотворений / Б. А. Чичибабин / Сост. Л. С. Карась-Чичибабина; Вступ. ст. С. Н. Буниной; Комментар. Л. С. Карась-Чичибабиной, С. Н. Буниной – Харьков : Фолио, 2009. – 890 с.

УДК 821.161.1-31

Т.В. Надозирная

ДЕКОНСТРУКЦИЯ КОДА МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В «EMPIRE V» И «BATMAN APOLLO» В. ПЕЛЕВИНА

Т. В. НАДОЗИРНА. КОД МАСОВОЇ КУЛЬТУРИ В «EMPIRE V» ТА «BATMAN APOLLO» В. ПЕЛЄВИНА.

У статті досліджується дискурс масової культури в діалогії В. Пелевіна «Empire V» і «Batman Apollo». Найбільш очевидними є паралелі з літературою про вампірів і культовим американським фільмом «Матриця».

Активне використання найбільш популярних культурних образів є характерною рисою пелевінської творчості. Вампір – один із головних героїв діалогії. Але, як показав аналіз, популярний образ – лише зручна та модна упаковка, що дозволяє авторові пояснити надлюдські здібності, можливості та вражаючі знання героя. Відсилання до вампірському коду виявляється фальшивим. Рама заклопотаний абсолютно не вампірськими проблемами – пошуками дійсного буття. Таким чином, відсилання до класичних зразків літератури про вампірів свідчить про прекрасне володіння автором історією питання, але породжують не подібність, а, навпроти, деконструкцію вампіричного дискурсу.

Доволі очевидні і паралелі між «Empire V» і «Batman Apollo» та культовим фільмом «Матриця». Їх об'єднує тип героя, ідея альтернативного розвитку цивілізації, проблема пошуку дійсного буття і тому подібне. Але у «Матриці» проблема справжнього буття вирішена спрощено, в рамках масового коду. Романи Пелевіна набагато точніше передають філософське, зокрема постмодерністське, сприйняття реальності.

Проте, як показує аналіз, в центрі уваги автора знаходиться не стільки гра з відомими масовими кодами, скільки проблема влади мови. Це дозволяє говорити про те, що Пелевін використовує стратегію «подвійного кодування», апелюючи одночасно до спеціалістів та широких читацьких мас.

Ключові слова: масовий код, дискурс, влада мови, подвійне кодування.

Т. В. НАДОЗИРНАЯ. КОД МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В «EMPIRE V» И «BATMAN APOLLO» В. ПЕЛЕВИНА.

В статье исследуется дискурс массовой культуры в диалогии В. Пелевина «Empire V» и «Batman Apollo». Наиболее очевидными оказываются переклички с литературой о вампирах и культовым американским фильмом «Матрица».

Активное использование наиболее популярных культурных образов является характерной чертой пелевинского творчества. Вампир – один из главных героев диалогии. Но, как показал анализ, популярный образ – лишь удобная и модная упаковка, позволяющая автору объяснить сверхчеловеческие способности, возможности и обширные знания героя. Отсылка к вампирскому коду оказывается ложной. Рама озабочен совершенно не вампирскими проблемами – поисками истинного бытия. Таким образом, отсылки к классическим образцам литературы о вампирах свидетельствуют о прекрасном владении автором историей вопроса, но порождают не подобие, а, напротив, деконструкцию вампирического дискурса.

Вполне очевидны и параллели между «Empire V» и «Batman Apollo» и культовым фильмом «Матрица». Их объединяет тип героя, идея альтернативного развития цивилизации, проблема поиска истинного бытия и т.д. Но в «Матрице» проблема подлинного бытия решена